

Интеллигенция — слово русское. Было время, когда переводчики Чехова на английский, немецкий, французский испытывали затруднения с этим словом. Само собой, имелась в тех языках «интеллектуалы», «люди умственного труда», «конф-арбайтеры»; но понятия эти не были обременены морально-этическим и общественным смыслом. Это в России интеллиген-ты шли в народ, потом — вместе с народом, потом начали вы-ходить из народа, вырастать из гущи народной. Это по-русски интеллигентность давно уже перестала быть одною только об-разованностью. Потому-то у нас и возможны словосочетания, в других языках противостоятельные: «интеллигентный рабо-чий» или «малоинтеллигентный писатель».

Не следует об этом забывать. Не надо думать, что интелли-гентность выдается человеку вместе с дипломом, раз и навсег-да. Что ее, как университетский значок, можно выдешить на себя, а можно при случае и снять. Нет, понятие это помимо об-щей культуры, помимо тонкости душевной включает в себя и высокое сознание, и общественную активность — качества, кото-рые человек подтверждает всю жизнь и всей своей жизнью.

А само слово, повторяю, русское. Корень латинский, а слово все равно русское. Французы до сих пор берут его в кавычки, как иноязычное. У англичан оно утвердилось прочней, но если вы заглянете в словарь «Вебстер», то на странице 1291 прочте-те: «Интеллигентсия — от русского *интеллигенция*...» Вошло наше слово в другие языки, как в старые времена «само-вар» и «степь», как после революции «большевик» и «совет», как в последние годы «шпунник».

В этой статье я хочу рассказать о мечтаниях, поисках, сры-вах, удачах одного русского интеллигента. Судьба его, на мой взгляд, поучительна и не лишена самого живого интереса. Надо писать о докторе Федорове. Пора.

Я познакомился с ним в 1960 году.

Это был молодой человек, широкоплечий, энергичный, бе-зупречно одетый и, сразу видно, умница. Лицо его выражало волю и спокойную самоуверенность. У него были крепкие ску-

лы, короткий, чуть вздернутый нос, широкие насаженные ту-бы, угрюмый ежик на голове. Еще мне с первой встречи запом-нилась его манера, слушаив и отвечая, смотреть собеседнику при-мо в глаза.

Он пришел ко мне с неожиданной просьбой. Ему нужна была справка о том, что он, Федоров, не просит о нем, о Федорове, писать в газете. (Замечу для ясности, что я к той давней публи-кации отношения не имел.) Без такой справки, полагал он, ему конец. Всей его работе конец.

Федоров работал тогда в Чебоксарах, в филиале Государст-венного института глазных болезней имени Гельмгольца. Там он и сделал редкую операцию, с которой начались все его беды. Возможно, вы уже слышали о «выживлении» искусственного хрусталика в глаз человека — об этом много было толков. Сама-то операция прошла успешно. Как-никак Федоров больше тогда готовился к ней, ставил опыты на кроликах, искал дельных мастеров, и один из них, слесарь-лекарьщик, помог изготовить хрусталик из пластмассы. И вот двенадцатилетняя Лена Петро-ва, которая из-за врожденной катаракты с двух лет не видела правым глазом, стала этим глазом видеть — успех!

А потом появился очерк в местной газете: врач-новатор, сле-сарь-умелец, девочка из чувашской деревни — все было предпо-дано в наилучшем виде. А потом появилась перепечатка в од-ной из центральных газет, где врач-новатора назвали по ошиб-ке директором филиала, чем навеки сделали его врачом действи-тельного директора... Беда, если про вас напишут в печати! Ху-до, если раскритикуют, — это каждому ясно. Но вы покаетесь, и вас простят. А вот если похвалят вас, о, тут найдутся люди, ко-торые никогда вам этого не простят.

Короче, Ф дорова в Чебоксарах тривиально съели. Он ки-нулся в Москву, но и там его встретили недружелюбно. После я познакомился с противниками молодого врача. Я окладил встре-тить бюрократов, а увидел ученых. Оставьте себя на их ме-сто, читатель: что узнали вы? Мальчишка, первый, быть может, случайный успех, а шуму! Да и не первый он: подобные опера-ции уже делали в Англии, в США, в ГДР, и у нас в Москве была одна за месяц до чебоксарской (вытавили стеклянный пейссов-ский хрусталик). Больно уж этот Федоров пробивной, больно уж смахивает вся история на саморекламу.

Это были «мешающие подробности», с которыми сталкивает-ся время от времени каждый литератор. Детали, которых лучше бы не было, которых лучше бы не замечать, не знать. Я мог, конечно, многое возразить. Не мальчишка, а опытный хирург, кандидат наук. Не одна операция, а четыре: он успел проопери-ровать еще троих. И потом он действительно не просил писать о нем, газетчики узнали о редкой операции от самого директора филиала — это-то факт.

А отдаленные результаты? — сказал мне. Что станет дальше

с этой девочкой? Приживется ли в глазу инородное тело? Не бу-дет ли осложнений? Да и мало ли что... Нельзя грезвонить в пе-части, нельзя раздувать сенсацию, возбуждая надежды у тысяч больших людей, пока нет у нас отдаленных результатов.

— Сколько надо ждать? — спросил я.

— Лет пять...

Вот и прошло пять лет.

Чебоксары лишились Федорова.

Я мог бы, конечно, сказать, что Федоров лишился возмож-ности работать в Чебоксарах, но вполне сознательно написал так, как написал. Дело давнее, можно посмотреть на все на это трезвыми глазами.

Знаете ли вы, что такое провинция? Откуда идет она? За какие провинности менуется провинцией?... До Чебоксар се-годня лету столько же, сколько в былые времена добирался до Кунцева. Новости узнают в тот же миг. Читает те же газе-ты, смотрит те же передачи, да и дома строят, в общем, такие же, как в Черемушках. Видимо, ни расстояние от столицы, ни эдаки, ни асфальт уже не могут служить мерилом провинциаль-ности, подобно тому как образованцем не мерится интеллигент-ность. Что же тогда? Я не буду оригинален: застой мысли — вот мерило. Незамостительность мысли, отягдка на центры.

Московские офтальмологи только сомнение выказали — для Чебоксарского филиала это уже директива. Там поморщи-лись — тут говорят, там слово скажут — тут спешат с орыиво-дами, там чихнут — сюда этот чих доносится раскатами грома. И вот уже операция, которой вчера еще торжались, признается «механистичной», «антифизиологичной» и даже «антинауч-ской». Федорова вдруг посылают в дальнюю командировку, а вернувшись, он обнаруживает, что драконовые кролики с пласт-массой в глазах подошли: их попросту перестали кормить. Ди-ректор филиала самолично беретя осматривать больных, ко-торых оперировал Федоров. Он делает это без участия Федоро-ва (что само по себе неслыханно), он сперва изучает в темной комнате глазное дно, а после, выведя больных на яркий свет, дает читать таблицу. Острота зрения выходит вдвое ниже, чем на самом деле (впоследствии это проверялось не раз), но ди-ректор знает: в центре будут его данными довольны. Ради это-го можно врачьбой этаким и пренебречь. Как говорят в таких случаях: «До интеллигентности ли тут было!»

Суть полемики уже забыта, остались захолустные пересуды, зависть, чванство, и Федорова уволили с работы, сказавши хором, что-де у нас не заменимых нет. И это было более чем глупо.

В ту пору, не имея отдаленных результатов, и не мог писать о докторе Федорове. Но редакция «Известий» вмешалась в его

судьбу, и он был на работе восстановлен. Он был восстановлен и вскоре уехал из Чебоксар, потому что продолжить исследование ния ему там все равно не дали бы. Федоров подал документы в Архангельский медицинститут, прошел по конкурсу заведующим на кафедре глазных болезней и перебрался туда, а у меня тоже нашлось много неотложных дел... Там и окончилась история тогда, в 1960 году. Архангельск посетил Федоров.

Да, конечно, провинция — понятие не столько географическое, сколько социальное, нравственное. Можно в столице обна- ружить «людей из захолустья», и можно в самом глухом уголке страны встретить людей заметных, ярких, возбуджающих жела- ние подражать им. Неопенима и мало еще оценена их роль... Грани стираются — это все знают. Между городом и деревней, этот процесс как нечто сутубо постепенное. На деле он складает- ся из скачков, на деле и тут мы идем революционным путем. Хот и задумайтесь, к примеру, над подъемом окулиста В. П. Фи- лагова, который сделал свой город одной из офтальмологических столиц мира. Это ведь был огромный скачок в сознании, когда слепцы потянулись за исцелением в Одессу — из других горо- дов, из других стран.

Год назад я встретил в Москве инженера Ратчина, уральца. По пути на север он остраивался у своего столичного дяди, и тот долго вразумлял его: «Зачем Архангельск? Живи у меня, или здесь на операцию, вся профессура в Москве!» Но Ратчин все же поехал, операция ему помогла — думаю, что прозрение илемянника и дылошке раскрыло глаза. Взгляды его на «про- винцию» и «провинциалов» претерпели, как говорят окулисты, необходимую коррекцию.

Научной провинции нет и быть не может, потому что нет науки второго сорта. То, что не настоящая наука, то не наука вовсе. С увлечением я могу отметить, что офтальмология развивается у нас широким фронтом, что сегодня нельзя все- рьез оценивать ее успехи, не вспомнив о трудах таких ученых, как профессор Т. Бирич (Минск), профессор Т. Ерощевский (Куйбышев), профессор М. Попов (Смоленск), профессор В. Шералев (Киев), профессор А. Нестеров (Казань), профес- сор Б. Протопопов (Торький), — перечень можно продолжить. И хотя судить об успехах работ донента С. Федорова (Архан-гельск) рано, есть уже основания думать, что и этот город ста- новится одним из центров науки о глазных болезнях... А в Че- боксары большие из других областей не едут. Увы!

Как делаются открытия?

Началось с того, что Федоров отправился в часовую мастер- скую... Или нет, до этого он долго думал о своей работе и о сво- ей жизни. Нашло серьезное настроенные мысли, и Федоров не

смог уловить и все курит, ворочался. Зачем он живет на земле? Что добился? Куда идет? В чем вообще назначение человека? Было это после первой серьезной неудачи, которая постигла его в Архангельске: глаз после операции восстановился, искусствен- ный хрусталик пришелся удалив. Почему? Видимо, не всем подходит эта модель, надо искать новую, надо сделать ее лучше, точнее, а где? С огромным трудом удалось «пробить» заказ в институт, изготовляющий медицинское оборудование, но выпол- нять заказ там не торопились... «Дурак вся жизнь пройдет, — ду- мал Федоров. — Я ж на месте топчусь!»

С утра он отправился в часовую мастерскую. Кто-то сказал ему, что там работает один деятельный парень, и он нашел этого парня и рассказал ему о своей затее. Новый хрусталик нужно было на тонких дужках укреплять в глазу. Часовщик Виктор Смирнов недели две сидел после этого по вечерам и, представ- те, сделал миниатюрный пресс для изготовления капроновых отвер- тей. Теперь надо было высверлить для дужек микронные отвер- стия в хрусталике, и Федоров нашел еще одного «левшу», быв- шего театральным художником. Борис Михайлович Вененосов, полтора месяца вытравивал «перовые» сверла. К сожалению, они только для металла были хороши, а в пластмассе вязли, но Федоров запомнил, с какой безкорыстнейшей готовностью взялся старик ему помогать. Он пошел на Маймаканский за- вод, и литейщики сделали ему отливки для прессов. Он пошел на «Красную кузницу», и мастер Павел Лукьянович Третьяков сработал отличную протавку к операционному столу. Все это беспилотно, из любезности, «за так».

Ничего еще, в сущности, не было готово, но Федорова уже охватило то съездивое расположение духа, когда все реше- тельно кажется возможным и, глядишь, действительно удается все.

Он приехал в Ленинград, пришел на часовой завод, собрал в перебежку рабочих и все им показал: чертежи, расчерта- ники. Вот тапшественная шарообразность глаза, вот «полноса» его, вот «акватор», так и называют их врачи; глаз — целый мир, в нем для человека целый мир, худо незрчим, но можно иной раз и помочь, были бы «запчасти»... Мастера передавали из рук в руки крохотный хрусталик, смотрели вев лупу в глаз, и после долгих споров высонки консилиум постановил: сверлить можно. Уникальный станочек сделал Николай Васильевич Лебедев, механик.

Оставалось самое сложное — пресс-формы для выделки хру- сталиков. За это никто на заводе не брался. Сказали, что был у них раньше один старик, тот мог бы сделать, если жив. Как фа- милия его? Каран. Где искать? На Васильевском острове, где-то он жил в подвале... Разумеется, Федоров облазил все подвалы, потом догадался пойти в адресный стол, людей с такой фами- лией оказалось в Ленинграде четверо, и вот наконец нужная

улица, нужный дом, подъезд и медная дощечка на двери: «Карап Александр Моисеевич». Получил за это время новую квартиру.

И был у него там, вылет этого могучливового, худого, с вянущими щеками старика. Вот так же просто встретил он Федорова, будто давно его ждал, и так же слушал, не перебивая. Только когда пришла с кошелкой жена, стал громко переспрашивать: «Так как вы меня нашли? Завод покеказал? Никто, голорите, не взял!» Помнит, значит, Каранал! Впоследствии, чтобы как-то отблагодарить старика, Федоров пригласил его в Архангельск. Александр Моисеевич очень гордый, в беглом халате ходил по больнице, ручные здоровались со всеми, заглядывал больным в глаза (там уже сидели его линзы), а врачей учил шпательком, с ними держался академиком, да он и был академик в своем деле. «Это что! Вот когда я с Вавиловым работал, Сергей Ивановичем...» Пресс-формы он сработал на совесть, последнюю линфовку делал шпательком, хрусталики выходили чистые, как кабли росы.

Что вам сказать дальше? Понадобилась Федорову гидрофильная пластмасса, и ленинградские ученые-химики И. Арбузова, Л. Медведова и другие взялись «на общественных началах» синтезировать ее. «Сто всезнающий опыт дал работающую пластмассу», — сказала мне Лидия Ивановна Медведова. Можете вы себе представить: 148-й! Химикам понадобилось знать механические свойства глаза — упругость, растяжимость, прочность. В литературе таких данных не оказалось, — видно, не были раньше нужны. Федоров пошел к ученым-физикам Е. Кузнецкому и С. Захарову, и те сделали специальные приборы, сами выточили все замеры. Вдруг дал о себе знать слесарь-декальчик С. Мильман из Чебоксар, тот самый, что делал первый хрусталик: прислал новую модель, очень перенективную. «Было время и вдохновение...» — писал он в письме. Формовать линзы помог Федорову ученый-оптик А. Никитин, прибор собственной конструкции для определения глубины глаза подарил ему ученый-медик А. Горбань, жидкую силиконовую пластмассу синтезировали для него московские ученые-химики Т. Красовская и Л. Соболевская, и так далее, и до бесконечности...

Теперь, когда многое вам известно, самое время будет предоставить слово оппонентам моего героя. Вот что писал, например, один из них — профессор, известный офтальмолог:

«...Операции извлечения мутного хрусталика сейчас технически очень хорошо разработана. Огромное число людей после операции по поводу катаракты (так называется эта болезнь) хорошо видят в очках.

Однако в качестве очередной зарубежной «сенсации» рекламируются попытки вставлять внутрь глаза искусственные линзы, которые себя не оправдали. Оказалось, что от такой операции больше опасностей, чем пользы».

Спор, как видите, не исчерпан.

Работа Федорова все еще «сенсационна» в том смысле, что самые разноречивые слухи ходят о ней. Медлит с окончательной оценкой некоторые ученые, излишне торопятся некоторые журналисты. Вот и недавно мелькнула вырвет в печати статья, где в качестве последней «новинки» рекламировалась... все та же литлестней давности чебоксарская операция. И снова хмурились солидные профессора, снова винили Федорова в саморекламе, и невдомек им было, что он автора этой статьи и в глаза не видел. Но, с другой-то стороны, и они, профессора, в Архангельск не ездили, и они новых данных Федорова не знают, и они больших не смотрели. Между тем «попыток» у него, прямо скажем, много: доктор Федоров сделал уже шестьдесят две такие операции!

Что ж, споры — вещь полезная, мнения в науке могут быть разными, и ничего худого нет в том, что один ученый покритиковал другого ученого. Тем более что офтальмолог, выступивший против Федорова, — ученый крупный, имеющий большие заслуги перед отечественной наукой. Тем более что некоторые новации для осторожности у него были. За рубежом, в условиях бесконтрольности, рекламы, погоны за наживной, эту операцию кинулись делать десятки малоквалифицированных окулистов, и были осложнения, были даже случаи гибели оперированных глаз, и тогда наметилась «тенденция к отходу»... Так что спорить тут было о чем. Беда в другом. Беда в том, что мнение критика в данном случае целиком разделял председатель Всесоюзного офтальмологического общества. На той же позиции стоял главный окулист Министерства здравоохранения СССР. Полностью был согласен председатель проблемной комиссии по офтальмологии Академии медицинских наук СССР. А говоря попросту, на всех этих ответственных постах пребывал один и тот же человек — уважаемый профессор, статью которого я цитировал, — с самого начала он был против работ доктора Федорова.

Родится ли истина в таком споре?

Нет, я не могу сказать, что Федорову все время активно мешали. Все эти годы мы не встречались с ним, но время от времени я писал ему, и он находил время отвечать. За пять лет скопилось целая папка писем, и в основном это были бодрые письма.

«Мы лопим, гнутся шведы...» писал Федоров в одном из них. — Наши дятлы с едничны залопенны.

И химик есть, очень дельный, и механик. Механиком оформили А. М. Карана, недавно опять приехали сюда, привез станок собственной конструкции. По-моему, удачный.

Коллектив на кафедре тоже сложился, хорошие врачи, студенты-кружковцы. Виталий Яковлевич Бедлиго, наш хирург, не только освоил всю технику операции, но увлекся изобретательством, сделал несколько новых инструментов. А Валерий Захаров, студент, так наговорился паять, сверлить, штамповать, что мы называем его «слесарь-орфгальмолог». Помогают и большие. Попал в больницу Виктор Смирнов (помните, часовых дел мастер) — в общую хирургию, а все вечера торчит с Валерием в мастерской. Инженер с Урага (односторонняя катаракта) наладил нам фотолaborаторию, студент-физик из Горького (уже прооперировали) делает нам оптические расчеты, аспирантка из Ленинграда переводит статьи с английского. Эксплуатируем их самым бессовестным образом...

Мой герой давно уже не был изобретателем-одиночкой. Судя по письмам, в Архангельске его поддерживали коллектив инсти-тута, обком партии, облисполком, у него и в Министерстве здравоохранения СССР появились сторонники, — словом, сбить Федорова с ног было уже трудно. Но каждый шаг давался ему таким тяжелым трудом, таким неимоверным напряжением, что, оглядывая этот путь, я поражаюсь сегодня, как он мог пройти его до конца.

А вот, однако же, прошлет.

Тут только открылась мне вся огромность, вся неопенимость всеобщей человеческой дружеской поддержки, которую спискал этот человек в пору своих «хождений по людям». И я восхитился им и подумал, что в истории этой до конца проявили себя новые отношения между людьми. А после подумал, что будь они, эти отношения, введены в плановое русло, сделано было бы в сто раз больше. Все же домны мы не строим на общественных началах. Все же спутники мы не запускаем в свободное от работы время.

Теперь насчет «вреда» и «пользы».

Лена Петрова учится сейчас в десятом классе, о своем искусственном хрусталике и думать забыла. Недавно снова была у Федорова: у нее за эти годы созрела катаракта на втором глазу. Федоров сделал новую операцию, вставил второй хрусталик, и теперь, как писала мне Лена, она «вовсе стала искусственной». Я получил письма от многих больных. М. Черноусов (Архангельск): «Работалю опять на тракторе, а глаз не краснеет, не болит...» М. Кушпешенко (Киев): «Со дня операции прошло четы-

ре с половиной года. Вижу поверхность дерева, тканей до мельчайших ворсинок. Вам, может, и не удивительно, но тот, кто терял это, меня поймет. Я ведь, ко всему, художник...» В. Горбунова (Татария): «Прошло все легко, даже боли не чувствовала. На четвертые сутки открыли глаза, делали перевязку, и я старалась смотреть и впервые увидела чисто Федорова...» В. Борисов (Архангельск): «На ремонте бил молотком, и отскочил околог в правый глаз. Через год я им видел только опущение света. Тов. Федоровым и тов. Велилло мне была сделана операция, вставили новый хрусталик. Прошло семь месяцев, зрение имею 0,5, а с очками — 1». П. Леганин (Челябинск): «С радостью каждое утро проверяю себя, беру коробок спичек и читаю все, что написано, даже какая фабрика. Видеть вижу за километр. Сперва, конечно, меня не пустили на паровоз, а последняя комиссия разрешила...»

Как же можно писать, что операция «себя не оправдала»? Риск? Безусловно, есть, как во всяком новом деле; были у Федорова и неудачи, в двух случаях (из 62) глаз после операции воспалился, и хрусталики пришлось удалить. Но ведь и после обычных операций, по поводу катаракты, которые делаются уже 210 лет, бываю осложнения. «Тенденция к окходу»? Да, в некоторых странах она наметилась. Но крупные окулисты Чойс (Англия), Винкхорст (Голландия), Барраквер (Испания), с которыми переписывается Федоров, работу продолжают. Они сделали уже более двух тысяч таких операций. Как же можно отбрасывать все это, планируя тем самым отставание нашей офтальмологии на пять — десять лет? А вдруг да они окажутся правы. Будем тогда вибрирыжку попенать за ними?

Заканчиваю: недавно в Москве, в Министерстве здравоохранения СССР, обсуждалась работа кандидата медицинских наук, доцента Святослава Николаевича Федорова. Я был на заседании и могу засвидетельствовать, что разговор шел серьезный, доброжелательный и деловой. Отмечались некоторые недостатки этой работы (например, слабый экспериментальный аспект исследований), но вместе с тем говорилось о необходимости создать все условия для того, чтобы Федоров мог этот самый аспект уяснить. В целом же решено было направление исследований одобрить, а самые исследования всемерно развить.

Прошлым летом мы встретились с Федоровым на берегу Черного моря. У меня был отпуск, и у него был отпуск, я заехал к нему на денек в дом отдыха «Туапсе». Мы сидели на пляже, не спеша говорили о жизни, я присматривался к нему. Нет, победы зря не даются, что-то утратили за эти годы мой давний знакомый, чуть припухли веки, стропиле черты появились около

рта. Но прежнее ощущение неуживчивой силы исходило от этого человека. Выпуклые мышцы, квадратные плечи, величественно вылепленный торс... Он выжал стойку на руках и так, на руках, пошел к воде. Он не хотел прыгать на одной ноге, а второй у него нет: отнята чуть ниже колена. Федоров погорячился семнадцати лет, тогда и решил стать врачом.

Я знаю, мне говорили очевидцы, что в Красноярске во время конференции врачей он давил со всеми на знаменитые гранитные «Столбы» и первым поднялся на вершину. Он самолюбив, Федоров. Везает на лыжах по Северной Двине. Таскает из города в город свой двуххитудовик. По шахматам у него первый разряд. По плаванию на всесоюзных соревнованиях общества «Медик» он занял второе место. А в Чебоксарах плавал стюгаровку — первое место.

Откуда в нем эта напористость, сила воли, сила добиваться своего?.. Пожалуй, ничего он не утратил из сильных сторон старой русской интеллигенции, в чем есть мягкость к людям, есть желание добра, внутренняя честность, есть самостоятельность иги, как говорил Л. Н. Толстой, гордость мысли. Но, чтобы пройти путь, который вынал ему, этого было мало. Добраго его исполнена сила, и ему просто с народом, и нет в нем чувства неуверенности перед народом, потому что он сам — народ. Внук мужика, сына конармейца, коммунист, интеллигент.

Обещан был рассказ об открытии доктора Федорова. Что уж, вы уже знаете, что в Архангельске создаются новые модели хрусталика, отличные от зарубежных. Но не будем спешить: это только первые шаги. Ведутся интересные эксперименты с

¹ А время движется, не стоит на месте, и, наблюдая за судьбой героев, автор видит все новые перемены. Операций по выявлению искусственного хрусталика проведено уже около тысячи, пользы этих линз не отрицает никто, «отлагательные результаты» насчитывают двенадцать лет. Лена Петрова, сама первая пациентка, стала учительницей в родной деревне, недавно пригласила профессора на свою свадьбу.

Да, Федоров защитил докторскую диссертацию, стал профессором, возглавил кафедру в одном из столичных вузов, руководит большой московской клиникой. Отмечу кстати, что и после переезда его в Москву Архангельск остается одним из наших офтальмологических центров: исследования, весьма интересные, там продолжает кандидат медицинских наук Виталий Яковлевич Ведило.

Московская клиника С. Н. Федорова (в ней я тоже побывал) оснащена операционными микроскопами, телевизионными и радиостетесами, новейшими приборами. На кафедре и в проблемной лаборатории, открытой по приказу министерства, работают около ста тридцати научных сотрудников, инженеров, мастеров. Что еще? Федоров участвовал в конгрессах в Голландии, Англии, США, в Нью-Йоркском госпитале «Майфайер» он провел несколько операций. Между прочим, хрусталики привез для этого советские, свои, на которых его умельцы даже текст ухитрились поместить. И когда американские врачи будут проверять глаза Эни Дилберти или Дэки Энтели, которым Федоров вернул зрение, то на хрусталике, по кромке его, смогут прочесть: «Сделано в СССР».

«кератопротезом» (пластмассовой заменой мутной роговицы), но и тут делать выводу еще рано. Сделано шестнадцать операций с применением жидкого силикона; в одном из случаев, сама безнадёжный глаз, они заменили пластмассой до двадцати пяти процентов стекловидного тела, и глаз уцелел. Но пусть и об этих поисках судят сами ученые, — им виднее.

Главное открытие доктора Федорова я вижу в другом: он сумел обратить на пользу своей науке действительную силу нашей новой морали, понял, что можно прийти к любому человеку и, если благородна цель и полезна Отчеству, человек обязателенно поможет. Доктор Федоров открыл для себя советский образ жизни, открыл советский характер. И потому победил. Спасибо ему за это.

1965